

H-42

У-Р

438/—

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ССР
Киевский государственный педагогический институт
им. Горького

На правах рукописи

О. Д. НЕДИЛЬКО

АНТРОПОНИМИЯ

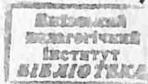
СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

/вторая половина ХУП — первая половина ХУШ вв./

/10.661 — языки народов СССР/

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев — 1969

НБ НПУ
імені М.П. Драгоманова

100313555

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ССР
Киевский государственный педагогический институт им. Горького

На правах рукописи

О. Д. НЕДИЛЬКО

44
Н.С.

АНТРОПОНИМИЯ
СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

/вторая половина ХУП - первая половина ХУШ вв./

/Ю.661 - языки народов СССР/

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Київ - 1969

Работа выполнена в Нежинском государственном педагогическом институте им. Н.В. Гоголя.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор
КОВТОБРОК М.А.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ - доктор филологических наук, профессор
БРИЦИН М.А., кандидат филологических наук, доцент ЛОБОДА В.В.

Ведущее высшее учебное заведение - Черновицкий государственный университет.

Автореферат разослан " _____ " _____ 1969 г.

Защита диссертации состоится " _____ " _____ 1969 г.

на заседании Ученого совета Киевского государственного педагогического института им. А.М. Горького /Киев, Бульвар Шевченко, 22/24/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА

Украинская антропонимика, начало которой было положено в XIX в. А.И. Степовичем, Н.Ф. Сумцовым, В.Н. Ястребовым, В. Охримовичем и др., особенно быстро развивается в последние десятилетия. Уже имеется определенное количество работ, посвященных изучению вопросов происхождения, словообразования, территориального распространения современных фамилий, а также личных наименований, зафиксированных в отдельных письменных памятниках. В первую очередь следует назвать труды Ю.К. Редько, Л.Л. Гумецкой, И.Д. Сухомлина, П.П. Чучки, И.А. Варченко, О.Б. Ткаченко, Э.Г. Николаенко, В.В. Нимчука, И.И. Ковалика, С.Ф. Бевзенко и других.

Всестороннее объяснение истории формирования и развития антропонимной микросистемы лексики украинского языка невозможно без детального и глубокого анализа письменных памятников различных эпох и территорий. В этом отношении особый интерес представляют документы украинских земель, граничащих с русскими и белорусскими, так как они помогают определить источник происхождения или продуктивности отдельных типов современных фамилий.

Поэтому целью реферируемой работы является анализ собственной лексики документов Северного Левобережья второй половины XVII — первой половины XVIII вв. Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что вторая половина XVII — первые десятилетия XVIII веков — это период начального формирования украинского национального языка, становления родовых названий простых людей, бурного развития документально-делового стиля, где наряду с традиционным книжным наименованием лиц широко используются народно-разговорные формы, присущие местным говорам, смежным с русским и белорусским языками.

Карл Маркс писал: "Хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие"^{1/}.

^{1/} К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 195.

Это высказывание применимо и к антропонимной микросистеме украинской лексики, объединившей в себе в процессе исторического развития элементы, унаследованные от древнерусского языка, характерные для всех восточных славян, и индивидуальное, вызванные внутренними законами развития языка, влиянием соседних языков, диалектными особенностями или экстралингвистическими факторами.

В диссертации ставятся задачи проследить: 1/ закономерность процесса формирования фамилий жителей Северного Левобережья, 2/ способы образования мужских фамилий и структурные особенности их, 3/ женские личные названия, 4/ развернутые многословные наименования мужчин и женщин.

Материалом для исследования послужили изданные документы: "Регистра всего войска Запорожского после Зборовского договора с королем польским Яном Казимиром, составленная 1649 г., октября 16 дня, и изданная по подлиннику О.М. Бодянский", М., 1875, "Переписні книги 1666 року", К., 1933, "Протокуль до записованя справъ поточныхъ на рокъ 1690", изд. № 36-45 Черн. Губ. Вед., Чернигов; 1852, "Актовая книга Стародубского городского уряда 1693 г." /"Протокуль до записованя справъ вѣчныхъ и совокупно поточных"/, Чернигов, 1914, "Мѣстечко Борисполе въ КУП-мъ вѣкѣ. Акты мѣйскаго уряда 1612-1699 гг. съ предисловіемъ А.В. Стороженка", издание журнала "Киевская старина", К., 1892, материалы генеральных следствий полков, их описи.

Кроме этого, использованы также неизданные рукописные архивные источники: "Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших 1741-1757 гг. Нежинской церкви Иоанна Богослова", Филиал Черниговского государственного архива в г. Нежине, ф. 233, оп. I, д. I, "Метрическая книга записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших с. Малой Кошелерки 1741-1759 гг. Нежинский филиал Черниговского областного государственного архива, ф. 281, оп. I, д. 2, "Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших села Ермишки, Остерской сотни, Киевского полка за 1740-1745 гг.", Черниговский областной государственный архив, ф. 649, оп. 4, д. 34.

Исследование выполнено историческим методом с элементами сравнительного и количественного. Соответственно требованиям исторического метода при анализе материала обращается внимание на выяснение языковых и внеязыковых причин изменений антропонимов, связи явлений языка с историей народа.

Сравнительный метод нужен для определения общих и различных явлений как в антропонимных микросистемах лексики трех восточнославянских языков, так и в исследуемых документах. Сопоставление отдельных фамилий с апеллятивной лексикой польского языка помогает определить их происхождение. Применение количественного метода на уровне словообразования дает возможность установить продуктивность словообразовательных типов в том или ином документе, привести результаты исследования в таблицах.

Диссертация состоит из введения, трех глав и выводов.

Во "ВВЕДЕНИИ" определяются предмет, задачи, цели и источники исследования, обусловлен выбор темы, дан краткий обзор развития украинской антропонимики.

В первой главе "ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ФАМИЛИЙ" на конкретном материале рассматриваются вопросы онимизации апеллятивов и превращения их в наследственные семейные наименования, зависимость процесса становления родовых антропонимов от классовой дифференциации общества, причины структурной неустойчивости фамильных названий.

Проанализированные дополнительные источники показывают, что уже в 30 годах ХУП в. на Северном Левобережье более богатые слои общества имели наследственные фамилии, ведущие свое начало с ХУI века. Наследственными в первую очередь становились так называемые первичные, лишенные специальных антропонимизированных суффиксов названия, происходящие от прозвищ.

Процесс закрепления фамилий широких масс простых людей, вызванный жизненной необходимостью, происходил позже. Во второй половине ХУП в. этому содействовало составление реестровых списков казаков и общая перепись населения с целью обложения его налогом.

Источником формирования фамилий были слова, характеризующие личность на основании: 1/ должности, ремесла, профессии или занятия, 2/ названия местности, 3/ имени или прозвища родственников, 4/ индивидуальных особенностей.

В процессе омонимизации название занятия или ремесла часто употреблялось уже не в прямом значении, а только как средство номинации личности, возможно, наследственно приобретенное от отца: Василей Коломнец ремесленной члвкъ ткач /П.К., 93/, Гарасямомъ Шевцемъ ключникомъ /А.Б., 97/.

В ХУП-ХУШ вв. для наименования людей употреблялись слова и словосочетания, не соответствующие современным фамилиям. К ним относятся: а/ несогласованные определения, выраженные формой родительного падежа топонима-существительного с предлогом з: Борись в Петровки /Б.Р., 311/, Гришко Тишковъ з Мишковки /Ст. ак., 54/, Самощка из Игуменщины /П.К., 387/;

б/ особую разновидность дофамильных образований, связанных с местностью, представляют названия по более известным соседям. В таких случаях в роли второго члена антропонимного словосочетания выступает имя или прозвище соседа в родительном падеже с предлогом подле: Сидорко Долгой, Петрушка подле Долгово /П.К., 354/, Данилко Орондар, Клишко подле Рондара /П.К., 400/;

в/ распространенными были также наименования по родственникам, выраженные формой притяжательного прилагательного, согласованного с нарицательным существительным, показывающим степень родства или зависимости этого человека от главы семьи: Каленник Ирасолов зят /А.Б., 100/, Иванъ Коноваловъ братъ /Б.Р., 322/, Хомки Нагаскина пасинка /Ст. ак., 49/, Иван Исаев работник /П.К., 296/.

Процесс закрепления фамилии за определенной личностью и семьей в то время еще не был завершен. Поэтому бывали случаи, когда одно и то же лицо или семья имели несколько прозваний, употреблявшихся в документах на равных правах /Золотаренко и Васыта, Костенецкий, Коцотопский и Волеватый/.

В ХУП в. прозвание отца не обязательно передавалось сы-

ну и его семье. Образованные от одной и той же основы фамильные имена родных братьев могли различаться между собой патронимическими суффиксами: Федір Іванович Яненко и Павло Іванович Янов /Лаз., Опис., II, 490/.

Структурная неустойчивость родовых названий жителей северной части Левобережной Украины ХVII-XVIII вв. содействовала существованию словообразовательных дублетов, имеющих место даже в одном и том же документе.

Среди них можно выделить такие группы:

1/ Патронимические формы с разными суффиксами: Кузьмъ Юканови ... Кузьмъ Юканенкови /Ст. ак., 73/;

2/ фамильная форма апеллятивного происхождения и патроним: Конономъ Костюченкомъ... Конон Костючокъ /А.Б., 103/;

3/ патроним с суффиксом -ов или наименование апеллятивного происхождения, или форма с суффиксом -ск/ий/: Борсуковскому ... жебы ему помененному пану Борсуковъ /Ген. сл. Нех., 126, 127/, Аланаса Чубарова ... яко бы он Чубаровский /Ст. ак., 95/;

4/ личное имя, фамильная форма с суффиксом -ськ/ий/ и патроним: Максиму Ярмушу ... Максимом Ярошенком, Максим Яромашевський /Лаз. Обзор., 246/;

5/ разные формы одной и той же фамилии топонимического происхождения, употребляющиеся с суффиксами -ецъ, чак, енк/о/: Микитю Баршполчам ... на Микиту Баршполчака, ... Микити Баршполченка /А.Б., 56, 57/.

Несмотря на генетическую общность восточнославянских языков, формирование фамилий в каждом из них имело свои особенности. В России, например, употребление отчества с суффиксами -ич, -ович, -евич было классово ограниченным, поэтому они "не могли быть родовыми прозваниями"^{1/}. На Украине и в Белоруссии ограничения в употреблении патронимов с суффиксами

1/ В.К. Чичагов, Из истории русских имен, отчества и фамилий, Учпедгиз, 1959, стр. 104.

-ич, ович, -евич не было, в связи с чем значительная часть их прерратилась в наследственные фамилии. Исследуемые документы свидетельствуют о том, что украинские фамилии этого типа в царской канцелярии переделывались на формы с суффиксами -ов, -ев или -енк/о/. В универсале Скоропадского: панъ Іванъ Тимофѣвичъ /Ген. сл. Стар. 275/, а в грамоте царя: Івана Тимофѣева /Там же, 274/.

Параллельное употребление разнообразных структурных типов фамилий не только в украинских и русских документах, но и в документах, написанных на Украине, свидетельствует о том, что процесс стабилизации некоторых из них еще не закончился. Однако не все фамилии в XVII-XVIII вв. находились в стадии формирования. Уже в то время существовали как первичные, происходящие от прозвищ, так и вторичные, вполне сформированные фамилии, наследственно передающиеся от поколения к поколению: "небожчика Петра Ворошила, которого сынъ, предреченній Павель Ворошила" /1688, Ген. сл. Черн., 311, 312/.

Вторая половина XVII в. - это не только время формирования фамилий широких масс населения Северного Левобережья, но и период стабилизации антропонимных словосочетаний, различающихся в зависимости от пола обозначаемого ими лица.

Для развернутых наименований мужчин использовались соединения двух, трех и четырех слов, хотя количественное преимущество во всех документах было на стороне двухсловных сочетаний.

Кроме имени, патронимической формы и фамилии, употреблялись и другие соединения слов собственномименной лексики, состоявшие из:

1/ имени, апеллятивного прозвища и патронима с суффиксом -енк/о/: Левонко Красной Москаменко /П.К., 408/,

2/ имени, названия профессии, притяжательного прилагательного: Левка Колесникъ Дѣдушковъ /П.К., 326/,

3/ имени и двух названий апеллятивного происхождения: Івашко Цибулька Голодай /П.К., 387/, Устинко Носъ Олховикъ /П.К., 408/.

4/ имени, прозвища и оттопонимического существительного с суффиксом -ецъ: Яско Желѣско Чернобылецъ /П.К., 348/.

5/ имени, патронима, притяжательного прилагательного от имени тестя с существительным зять: Романъ Даниловичъ Троянов зять /Ст. ак., 45/, Сава Григориевъ сынъ Осиповъ зять /П.К., 223/.

6/ имени, прозвища, оттопонимической фамилии с суффиксом -ськ: Михайло Война Окупчинский /Ст. ак., 39/, Антона Волошина Семановского /Ст. ак., 109/.

Сочетания, состоящие из четырех слов, для наименования мужчины употреблялись редко. Среди них чаще других встречались соеднения:

1/ имени и трехсловной группы наименования отца: Пахомко Иванов сын Кузмин Хотковъ /П.К., 353/.

2/ имени, наименований отца и тестя: Грицко Остапович Тихого сынъ, а зят Товстого /А.Б., 92/.

3/ имени, притяжательного прилагательного от имени отца, формы с суффиксом -енк/о/, названия местности в родительном падеже с предлогом з: Тимох Кондратовъ Вороненко з Андрѣвич /Ст. ак., 78/.

4/ имени, двух форм апеллятивного происхождения, названия местности в родительном падеже с предлогом з: Иванъ Сердюкъ Кула з Яремина /Прот., 55/.

5/ имени, притяжательного прилагательного, словосочетания, характеризующего народность человека, оттопонимического существительного: Кузма Петровъ, Русский чоловѣкъ, Калуженинъ /Прот., 68/.

6/ имени, патронима, наименования отапеллятивного происхождения, формы с суффиксом -ськ/ий/: Демянъ Кондратиевичъ Улучко Посудевский /Ген. сл. Черн., 477/.

Наличие четырехсловных сочетаний вызвано, возможно, необходимостью детальной конкретизации личности, но отнюдь не классовой принадлежностью носителя.

Во второй главе "СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ МУЖСКИХ ФАМИЛИЙ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИХ" рассматриваются вопросы словообразования мужских фамилий типа прилагательных в существительных.

Среди названий типа прилагательных выделяются такие группы:

1/ фамилии, не имеющие специальных антропонимизированных суффиксов,

2/ фамилии, имеющие антропонимизированные суффиксы.

Первая группа состоит из подгрупп:

а/ фамилии, совпадающие по форме с членными прилагательными и причастиями,

б/ фамилии, имеющие форму нечленных прилагательных и причастий.

Фамилии, образованные из членных прилагательных, употребляются во всех документах и имеют флексии -ий, -ой, -ей, -и: Семен Косый /Б.Р., 227/, Матюшка Лысой /П.К., 270/, Яко Захожей /П.К., 428/, Иван Толсты /П.К., 301/.

По структурным особенностям среди них выделяются:

1/ бессуффиксные образования: Семен Косый /Б.Р., 227/, Юска Босой /П.К., 383/.

2/ формы с суффиксами: -Н: Грязного /Ст. ак., 58/, Ивана Федорова Холодного /ф. 281, оп. I, д. 3, л. 20/, -АН: Иван Огняной /П.К., 52/, -ОВН, -ЕВН: Васька Садовный /П.К., 326/, Игнашка Кожевной /П.К., 393/, -К: Данилко Тонкий /Б.Р., 335/, Беска Короткого /Прот., 143/, -ЕНЬК: Ильи Слипенького /А.Б., 91/, -ОВ, -ЕВ: Марко Яловий /Б.Р., 333/, Грицко Чащевий /П.К., 300/, -АТ: Федору Терешковичу Усатому /Прот., 106/, -АСТ: Ювко Кулчастий /Б.Р., 209/, -ИВ, -ЛИВ: Петро Лобивий /Б.Р., 317/, Игнатъ Крикливий /Б.Р., 334/.

3/ непродуктивные префиксальные и префиксально-суффиксальные формы фамилий. Префиксальную форму имеет только один антропоним: Василь Забѣлий /Б.Р., 332/.

Префиксально-суффиксальные наименования состоят из:

а/ префиксов ЗА-, ПЦД-, НА-, ПРИ-, ПО- и суффикса -Н: Мар-

тень Заколотный /Б.Р., 333/, Евстафием Подгайнымъ /А.Б., 71/,
Кондрата Накального /А.Б., 26/.

б/ префикса БЕЗ- и суффикса -Н: Хвеска Безлюдного /А.Б.,
94/.

в/ префикса НЕ и суффикса -Н: Нехлбонный /Б.Р., 306/.

Генетивные фамилии типа прилагательных зарегистрированы
только в "Переписных книгах" и "Реестре": Мартинъ Точеного
/Б.Р., 307/, Миско Маленкого /П.К., 275/.

В роли фамилий изредка употребляются членные формы страдательных причастий: Иван Поливанный /Б.Р., 327/, Самашко Спытаный /П.К., 386/, действительные причастия прошедшего времени встречаются всего трижды: Лукянъ Погорблый /Б.Р., 336/, Самашка Невидалой /П.К., 423/, Михалемъ Збеглымъ /А.Б., 98/.

Нечленные прилагательные и причастия в роли фамилий в документах Северного Левобережья не были популярными: Грицко Мовчан /А.Б., 85/, Сидорко Рубан /П.К., 355/.

Б. фамилии, имеющие антропонимизированные суффиксы.

Г. формы с суффиксами -ОВ, -ЕВ.

функция притяжательных прилагательных в составе антропонимов исследуемых документов была дробной: атрибутивной и номинативной.

На существование и частотность этих форм решающее влияние имела русская практика того времени наименования простых людей так называемыми полуотчествами. Поэтому в "Реестре" форм с суффиксами -ов, -ев -2,6%, зато в "Переписных книгах", составленных русскими канцеляристами, -77,04%. В "Стародубских актах" и "Протокуле", отражающих антропонимию территории, граничащей с Россией, -41,25% и 46,08%.

В большинстве случаев суффиксы -ОВ, -ЕВ присоединяются к полным, усеченным или суффиксальным основам мужских имен: Игната Яковлева /ф. 233, оп. I, д. I, л. 3/, Лукяна Константинова /Прот., 51/, Лавринко Климов /П.К., 430/, Игнашка Ермаков /П.К., 405/.

Редко анализированные формы происходили от фамилии или прозвища отца: Сидоръ Обуховъ /Б.Р., 330/, Степка Горбиков /П.К., 412/, Сенка Суботов /П.К., 435/, Яков Селов /П.К., 73/, Лука

Колцовъ /Прот., 16/, Федоръ Семенцовъ /ЧОГА, ф. 649, оп. 4, д. 34, л. 22/.

2. Формы с суффиксом -ИН.

Кроме патронимического Кузмин /П.К., 217/, Савин /П.К., 406/, суффикс -ин имел также метронимическое значение и служил средством образования фамилий, происходящих от топонимов и гидронимов: Васка Оленинъ /П.К., 345/, Панко Иванишин /П.К., 250/, Илья Слабинин /П.К., 179/ - с. Слабине, Софронко Сурин /П.К., 353/ - р. Сура в бассейне Днепра.

В изученных рукописных документах первой половины XVIII в. словообразовательный тип фамильных названий с суффиксом -ин почти не употреблялся.

3. Фамилии с суффиксом -ськ/ий/.

Хотя процесс стабилизации родовых названий с суффиксом -ськ/ий/ на Украине начался рано, но на Северном Левобережье в ХУП-ХУШ вв. он еще не завершился. В документах прилагательные с суффиксом -ськ иногда выступают в роли территориального определения, согласуясь с нарицательным существительным: Гришка, жителя Стародубовского /Прот., 32/ - Стародуб, в посполитого Евминского Герасима Кравчукового сына /ЧОГА, ф. 649, оп. 4, д. 34, л. 1/ - с. Евминка.

Употребление прилагательных без нарицательных существительных является необходимым условием перехода их в антропонимную микросистему: Якову Силенкови Соловскому /Прот., 178/ - с. Солове.

В большинстве случаев как в ХУП, так и в ХУШ в. производные от топонимов формы с суффиксом -ськ/ий/ были уже фамилиями: Івашко Боршпольской /П.К., 389/ - м. Баршполь /П.К., 215/, Романъ Кагарлицкий /Б.Р., 327/ - с. Кагарлик /Ген. оп., 40/, Іван Любецкий /П.К., 153/ - Любеч /Ген. оп., 130/, Сергущко Минский /П.К., 394/ - Минск, Стефана Черняховского /ф. 233, оп. 1, д. 1, л. 10/ - с. Черняховка, Петръ Дорогинский /ф. 233, оп. 1, д. 25, л. 15/ - с. Дорогинка.

ФАМИЛИИ ТИПА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Мужские фамилии типа существительных образовались лексико-семантическим, морфологическим, регрессивным, синтаксико-морфологическим и синтаксическим способами.

Лексико-семантический способ

Источником происхождения некоторых фамилий были отдельные лексико-семантические группы слов, употребляющиеся в документах дифференцированно. В "Переписных книгах", "Стародубских актах", "Протокуле" и "Бориспольских актах" больше всего наименований этого типа произошло от названий профессии, занятия, должности: Матвій Ткач /А.Б., 99/, Романа Слусара /А.Б., 102/, Савка Коваль /П.К., 328/, Семену Ісаковичу Тесль /Ст. ак., 74/, тогда как в "Реестре" самое большое количество составляют фамилии, характеризующие человека по месту жительства: Максим Уманець /Б.Р., 323/, Мирон Бблоцерковець /Б.Р., 333/.

В роли антропонимов употреблялись также лексемы, обозначающие названия народов и этнических групп, внешний вид человека, частей тела его, одежды, обуви, орудий труда, болезней, явлений природы. Реже всего процессу онимизации поддавались названия веществ, материалов, минералов, явлений природы, сооружений или их частей.

Морфологический способ

К фамилиям, образованным морфологическим способом, относятся только те, в которых соединение суффикса с словообразовательной основой вводит дериват в антропонимную микросистему. Это названия, возникающие непосредственно как родовые или индивидуальные, распространяющиеся позже на всю семью и наследственно передающиеся потомкам. К ним относятся:

Фамильные наименования с суффиксом -енк/о/.

Частота употребления фамильных наименований с суффиксом -енк/о/ зависела от места написания памятника. В "Реестре" фамилий с этим суффиксом - 90,32%, "Переписных книгах" - 84,45%, "Бориспольских актах" - 73,78%, зато в "Стародубских

актах" и "Протокуле", где сказались влияние русского и белорусского языков, всего 25,11% и 19,64%.

В исследуемых документах, как в это же время и в "Полтавских актах"^{1/}, формы с суффиксом -енк/о/ еще только стабилизировались как фамилии и использовались чаще для наименования лиц одного поколения, изменяясь в следующем. В Сосницком акте 1648 г. записано: "Дѣдь мой Никита Гоготь, москаль ... мой отецъ Сава Микитенко Гоготенко ... брат старший Федор Савченко /Лаз., Обзор., 130-131/.

В зависимости от лексико-семантического значения словообразовательных основ все фамилии с суффиксом -енк/о/ делятся на группы, объединяющие дериваты, возникшие от собственных имен отцов, реже матерей, прозвищ или фамилий, профессии, ремесла или занятия их.

Группа патронимов, образованных от собственных имен, самая большая как в отношении количества, так и разнообразия словообразовательных основ. В "Переписных книгах" использовано 136 календарных, народно-разговорных или уменьшительных форм собственных имен, "Реестре" - 157, "Бориспольских актах" - 62, "Стародубских актах" - 18, "Протокуле" - 12. Особенно продуктивными были имена: Григорий, Василий, Федор, Михаил, Тимофей, Яков, Иван.

Этимология одних фамилий этой группы довольно прозрачна, тогда как других в связи с фонетическими и морфологическими изменениями имен затмлена. В диссертации и делается попытка определения этимологии большого количества фамилий с суффиксом -енк/о/. Например, от имени Демян возможны варианты: Демко, Демешко, Дешко. Следовательно, фамилии Яков Демянченко /П.К., 15/, Васько Демченко /Б.Р., 327/, Яско Демещенко /П.К., 366/, Данилко Дещенко /П.К., 356/ происходят от этого имени и его вариантов.

1/ См. І.Д. Сухомлин, Українські чоловічі прізвища старої Полтавщини з суффіксом -енк/о/, "Питання топоніміки та ономастики", изд. АН УССР, К., 1962, стр. 119-131.

В отдельную группу выделяются фамилии, связанные с топонимическими названиями: деревнѣ Брежуновѣ житель и козакъ Иванъ Брежуненко /Ген. сл. Черн., 670/, Василюва и Федорова дѣда Федора Лученка село Дуки /Ген. сл. Черн., 637/.

Формы с суффиксом -енок

Антропонимы с суффиксом -енок встречаются чаще в документах Стародубского полка: "Стародубские акты" - 5,46%, "Протокол" - 2,52%. В "Переписных книгах" эти наименования составляют 1,01%, "Бориспольских актах" - 0,27%, в "Реестре" они вовсе отсутствуют.

Следовательно, существование их было обусловлено влиянием белорусского языка. Так же, как и фамилии с суффиксом -енк/о/, формы на -енок происходили от имен, прозвищ, названий ремесел или занятий отцов и использовались сначала для наименования сыновей: Петро Моройчонокъ, жител Стародубовский ... родичу его Мартину Моройчѣ /Ст. ак., 98/, Антонъ Данченко /Прот., 94/, Андрей и Мирон Пастушонки /Ст. ак., 59/, Фетка Шеповаленокъ /П.К., 328/.

В составе современных украинских фамилий Ю.К. Редько этого словообразовательного типа не рассматривает, тогда как среди белорусских родовых названий он составляет 1,7%^{1/}.

Фамилии с суффиксом -ен'/а/

В исследуемых документах фамилии с суффиксом -ен'/а/ не были продуктивны, так как на Украине локализация их ограничивалась Волинью и Западним Подольем^{2/}. Из зарегистрированных 9 форм 5 однозвучны с соответствующими апеллятивами: Петро Голубеня /Б.Р., 336/, Степан Соменя /Б.Р., 313/, Марко Сор-

1/ См. М.В. Бірыда, Беларускія антрапанімічныя назвы у іх адносінах да антрапанімічных назваў іншых славянскіх моў, Мінск, 1963, стр. 54.

2/ См. Л.Л. Гумецька, З приводу асобовай назвы Гостята в Новгородській берестяній грамоті № 9, в кн. Територіальні діалекти і власні назви, "Наукова думка", К., 1965, стр. 244.

ченя /П.К., 350/, Андрѣй Каченя /Б.Р., 315/, Иванъ Голубеня /Б.Р., 336/, что дает возможность двояко толковать их происхождение: отапельятивные или патронимические образования. Остальные произошли от имен или прозвищ отцов и имеют патронимическое значение: Семень Селивоненя /Б.Р., 316/ - Селивон, Кюстя Ревеня /Б.Р., 312/ - Рева и множественная форма Стариченята /Б.Р., 237/ - Старик.

Материалы документов, как и исследования Л.Л. Гумецкой, опровергают утверждение белорусских антропонимистов М.В. Бирилла и М.Я. Гринблата о том, что эти фамилии встречаются только у белорусов и поэтому являются для них специфическими^{1/}.

Фамильные формы с суффиксами -ич, -ович, -евич

В документах ХУП-ХУШ вв. часть форм с суффиксами -ич, -ович, -евич употреблялась для наименования людей первого поколения, то есть не стала еще фамилиями: Омелян Гарасимовичъ з притомностью сына своего Исака Омеляненка /Прот., 61/, Мина Гапонов ... сына его Васка Минича /Ст. ак., 19/. Но уже в то время существовали и фамилии с суффиксами -ич, -ович, -евич, передающиеся наследственно от поколения к поколению: Семень Савичъ, писарь енеральный, владель, а нинѣ владѣет сынъ Семена Савича Федор Савичъ, бунчужной товарищ по жалованной монаршой грамоте, въ 1718 году данной отцу за его службы войсковіе /Ген. сл. Неж., 15/.

Фамильных форм с суффиксами -ич, -ович, -евич в документах не одинаковое количество. Под влиянием русской канцелярской практики меньше всего их в "Переписных книгах": -ич - 1,33%, -ович, -евич - 1,33%, самое большое количество, благодаря содействию Белоруссии, в "Стародубских актах": -ич - 4,00%, -ович, -евич - 66,53% и "Протокуле": соответственно 3,08% и 63,13%, в "Реестре": 0,42% и 4,89%, "Бориспольских актах": 1,09% и 15,57%.

1/ М.Я. Гринблат, Анамастика як крыніца вывчэння гісторыі і этнаграфіі беларускага народа, Минск, 1958, стр. 5-7.

Количественное соотношение фамилий с простыми и полиморфными суффиксами по всех документах решается в пользу последних, исключения представляют только "Переписные книги", где обе группы одинаковы, так как суффикс -ич здесь часто употребляется в роли метронимического.

Фамилии с суффиксами -ич, -ович, -евич, как и другие патронимы, происходили от имен, названий ремесел и прозвищ отцов: Кори́ня Андрѣевича /Прот., 132/, Богданъ Дегтяревич /А.Б., 76/, Хома Гнѣдичъ /Б.Р., 320/, Яномъ Турчиновичемъ /Лаз., Обзор., 53/, Аванасей Гудеричъ /П.К., 161/, М.Я. Гринблат считает формы с корнем Гуд: Гуд, Гудзень, Гудзісь, Гудач, Гудай, Гудович специфически белорусскими фамилиями этнонимического характера, свидетельствовавшими якобы о славянизации восточной ветки ятвягов. Кстати, эти формы могут быть не только этнонимического, но и апеллятивного происхождения.

Хоть в документах фамилии, имеющие корень гуд, встречаются не так часто, но об употреблении их в этой местности свидетельствуют топонимы антропонимного происхождения бывшего Стародубского полка: Гудов, Гудовка, Гудово; а также с. Гудим и Гудимовка Лубенского и Киевского полков.

В отдельную группу выделяются редко употребляемые антропонимы, показывающие происхождение человека из определенного населенного пункта: Яцько Козаревичъ /Б.Р., 237/ - Козары, Костя Коростешевичъ /Б.Р., 329/ - Коростышев, Василя Станиславовича Чернѣговича /Ст. ак., 88/ - Чернигов.

Фамилии с суффиксами -УК, -ЧУК в документах не были продуктивными, в "Стародубских актах" и "Протокуле" их вовсе нет, в "Бориспольских актах" - 0,55%, "Переписных книгах" - 0,45%, "Реестре" - 0,05%.

Кроме патронимических, в образовании фамилий принимали участие и другие суффиксы, в частности:

-иц'/А/. Суффикс -иц'/А/ зарегистрирован в фамилиях, происходящих от общих названий жителей определенных городов или территорий: Михайло Семеновичъ Оршаница /Ст. ак., 77/ - оршане, Яцько Остряница /Б.Р., 235/ - остряне, Силка Кяяница /Б.Р., 235/ - кяяне.

Интересно, что этого словообразовательного типа родовых наименований Л.Л. Гумецкая^{1/} в своей монографии не рассматривает. Следовательно, в актах XIV-XV вв. их не было, отсутствуют они и в грамотах XV в. центральной Украины, Западного Полесья, Галиции, Молдавии^{2/}, а также в белорусских документах XV-XVIII вв.^{3/} Это дает основания считать фамилии с суффиксом -иц'/а/, образованные от названий жителей отдельных населенных пунктов или определенной местности, специфическими для антропонимии Северного Левобережья XVII в.;

-к/о/. Употребляемые во всех документах фамилии с суффиксом -к/о/ делятся на такие группы:

1/ производные от существительных, соотносительные с нарицательными названиями, имеющими оттенок уменьшительности: Тишка Михайлово синь Зубко /П.К., 376/, Исая Шрамко /Б.Р., 321/;

2/ деноминативные, образованные из апеллятивов без оттенка уменьшительности: Тишко Деревяно /Ст. ак., 86/, Івашко Скрипко /П.К., 385/;

3/ производные от прилагательных: Андрій Глупо /Ст. ак., 85/, Іван Сердитко /П.К., 26/;

4/ отглагольные, в которых суффикс -к/о/ имеет агентивное значение: Ілья Храпо /П.К., 215/, Іван Розбойко /Б.Р., 335/;

5/ образованные от других слов: Остапо Бездородко /А.Б., 7/, Ярошь Тригубко /Б.Р., 317/, Хведорь Нехайко /Б.Р., 313/, Карпь Бабашко /Прот., 9/.

-Ейк/о/. Іван Шумейко /Б.Р., 321/.

-к/а/. Семен Шарудка /Б.Р., 231/, Стефань Мулка /Б.Р., 326/.

-Ій. Василь Побожій /Прот., 40/. Яцко Носій /П.К., 328/.
Оомка Малій /П.К., 426/.

1/ См. Л.Л. Гумецкая, Нарис словотворчої системи української актової мови XIV-XV ст., изд. АН УССР, К., 1958.

2/ Українські грамоти XV ст., изд. "Наукова думка", К., 1965.

3/ Перечисляя суффиксы, при помощи которых образовались фамилии, М.В. Бирила суффикса -иц'/а/ не называет.

-ИЛ/О/, -АЛ/О/, -АЙЛ/О/. Васко Теремило /П.К., 428/, Мисько Покотило /Б.Р., 318/, Кузьма Кегало /Б.Р., 316/, Кондратъ Недбайло /Б.Р., 333/.

-АЙ: Хведор Лутай /Б.Р., 209/, Демко Полежай /Б.Р., 322/.

-АК: Петрак /Прот., 144/, Сидорко Мокряк /П.К., 421/, Івашко Дубяк /П.К., 416/, Івашко Ступак /П.К., 303/.

-АН: Кузми Рогана /От: ак., 45/, Филлимонко Друган /П.К., 428/, Якимко Троян /П.К., 399/.

-АР: Семен Сапарь /Б.Р., 336/, Семень Лукарь /П.К., 233/.

-АЧ: Григорей Стукач /П.К., 96/, Процик Храпач /П.К., 384/.

-УЛ/А/, -УЛ'/А/. Карпъ Шекула /Б.Р., 336/, Тимохъ Рогуля /Б.Р., 235/.

-УН: Андрушка Скребун /П.К., 275/, Степка Сакун /П.К., 392/.

-УТ/А/. Опанас Едута /Б.Р., 328/, Кузьма Пойтота /Б.Р., 236/.

Префиксальный способ образования антропонимов типа существительных не был продуктивным. Только в единичных случаях в образовании фамилий принимали участие префиксы НЕ- и НЕДО: Мартинъ Небаба /Б.Р., 329/, Івашко Несинь /П.К., 382/, Иван Недосѣкъ /Прот., 94/, а также ЗА-, БЕЗ-, объединяясь с суффиксом-флексией -А: Омелко Забуга /Б.Р., 327/, Ивана Безлюди /А.Б., 101/, Микита Безрука /П.К., 343/.

Изредка в роли фамилий употребляется форма родительного падежа существительного: Федотко Чабра /П.К., 422/, Клим Клеца /П.К., 227/.

Регрессивный /безаффиксный/ способ

Регрессивным способом образовалось всего несколько фамилий: Павелъ Шевила /Б.Р., 209/ - шевылять, Алексей Кавыра /Прот., 51/ - ковырять, Осташко Доробля /П.К., 260/ - укр. доробляти, рус. дорабатывать.

Синтаксико-морфологический способ

Среди фамилий, возникших синтаксико-морфологическим способом, наиболее продуктивным был словообразовательный тип, основанный на атрибутивных отношениях компонентов, состоящий из основ прилагательного и существительного, связанных соедини-

тельными гласным О: Івашко Красножон /П.К., 270/, Данило Бѣлоножка /Б.Р., 320/.

Менее продуктивными были типы, основанные на объектных: Петрунка Волкогонъ /П.К., 303/, Миско Костоглод /П.К., 229/, Иванъ Ломонос /Б.Р., 326/ и адвербиальных отношениях компонентов: Івашко Скороход /П.К., 378/, Васько Слѣпородъ /Б.Р., 321/.

Синтаксический способ

По структурно-морфологическим признакам сложные фамилии этого типа можно разделить на группы, в состав которых входят композиты, состоящие из:

1/ императивной формы второго лица переходного глагола и существительного, выражающего объект: Павель Скуйбеда /П.К., 189/, Максим Задериморда /П.К., 298/.

2/ формы повелительного наклонения глагола и существительного, выражающего субъект действия: Ёсько Капиносъ /Б.Р., 326/.

3/ сращения словосочетаний: а/ предлога с существительным: Івашко Подобид /П.К., 427/, инверсированное Иванъ Богаддя /Б.Р., 333/.

б/ препозитивного или постпозитивного прилагательного с существительным: Микиѳорко Кривойконъ /П.К., 395/, Фесько Ковалнарожный /Б.Р., 231/.

в/ звательной формы существительного с притяжательным местоимением: Марко Отченашъ /Б.Р., 310/.

В работе отдельно выделяются неоднородные по морфемному составу антропонимы с неясной для автора этимологией. Среди них есть односложные слова: Грицько Шуркъ /Б.Р., 235/, Кузьма Куд /П.К., 62/, хотя большинство двухсложных и трехсложных: Матвѣя Рабора /П.К., 327/, Семень Ігнатовичъ Денгубъ /Ст. ак., 72/, Дмитрѣй Пацуекъ /П.К., 157/, Иванъ Мелкаль /Б.Р., 331/.

Некоторые фамилии образовались из глагольных форм:

1/ второго лица единственного числа повелительного наклонения: Демка Постой /П.К., 308/.

2/ прошедшего времени мужского рода: Васка Завиль /П.К., 374/, Дешко Подорвал /П.К., 401/.

Наречия и междометия в роли фамилий встречаются только в "Переписных книгах" - 0,12% и "Реестре" - 0,07%: Кондрашко Куды /П.К., 308/, Пархомко Няяковно /П.К., 429/, Якушко Брык /П.К., 392/, Яцько Цмокъ /Б.Р., 329/.

В конце главы дана сводная таблица способов образования мужских фамилий типа существительных, насчитывающих 11037 наименований.

В третьей главе "ЖЕНСКИЕ ЛИЧНЫЕ НАЗВАНИЯ" рассматриваются имена, антропонимные словосочетания и словообразовательные типы фамильных форм.

И м е н а . Женский антропонимикон Северного Левобережья по документам XVII-XVIII вв. состоял из 55 имен, выступающих самостоятельно без соединения с другими личными названиями очень редко. Из зарегистрированных 786 женских личных названий с именем употребляется 71%, без имени - 29%.

Имена употреблялись как в полной официально-юридической, так и в разговорно-бытовой форме, расширяя существующий антропонимикон почти втрое. Разговорно-бытовые формы возникли вследствие фонетико-морфологических процессов, происшедших в календарных именах во время освоения их украинским языком вообще и местным говором в частности. Этими процессами были:

1/ изменение звуков:

а/ ф → п, х, хв: Евпросиния /Ог. ак., 37/, Ходося /А.Б., 14/, Хвеска /Лаз., Обзор., 269/.

б/ начальное Є → О: Овмица /П.К., 410/, Овдотя /Ст. ак., 8/, Оленка /П.К., 378/. В именах Елевферия /Лаз., Опис., П, 79/, Епистимия /Сулим. арх., 69/, употребляющихся только в официальной церковнославянской форме, изменение звуков отсутствует,

в/ начальное Є → А: Авдотя /П.К., 217/, Авмиа /П.К., 152/,

г/ ассимилятивное изменение Е → А благодаря расширяющему влиянию сонорного: Палагию /Прот., 25/, Маланьца /П.К., 420/;

2/ усечение основы:

а/ афerezис: /Е/ Катерина /Лаз., Обзор., 178/, /И/ Устиниѣ

/Прот., 54/, /И/ульяною /Прот., 83/.

б/ синкопа: Федосья /Лаз., Обзор., 246/, Одаря /Прот., 22/,
Маря /П.К., 104/.

в/ соединения афerezиса с синкопой: Анастасия /Ген. сл.
Стар., 138/ - Настя /А.Б., 13/, Екатери́на /Лаз., Обзор., 413/ -
Катра /Прот., 11/;

з/ суффиксация.

Наиболее продуктивными в образовании вариантов женских имен были суффиксы -К и -ИЦ. Первый из них встречается во всех документах, второй - исключительно в "Переписных книгах". Оба суффикса присоединяются как к полным, так и к усеченным вариантам словообразовательных основ: Оленка /П.К., 374/, Настка /П.К., 255/, Афимица /П.К., 385/, Ульяница /П.К., 428/.

Таблица структурной классификации женских имен показывает, что полные формы чаще всего используются в "Стародубских актах" и "Протокуле", тогда как в "Бориспольских актах" преимущество на стороне усеченных, а в "Переписных книгах" - суффиксальных вариантов.

Частота употребления отдельных имен в документах Северного Левобережья не одинакова. Наиболее популярным именем в ХУП, а еще более в ХУШ вв. в среде крестьян и мещан было Мария, в то время как у поляков до половины ХІХ в. оно почти не употреблялось^{1/}.

Вариантность имен также не одинакова. Самое большое количество вариантов имели имена: Мулиания - 8, Анастасия - 7, Пелагея - 7, Татьяна - 7, Евфимия - 6, Анна - 6, Евфросиния - 6, Ксения - 6, в то время как наиболее популярное Мария - всего 4.

1/ Jan St. Bystron, Księga imion w Polsce używanych, Warszawa, 1938, стр. 267.

А н т р о п о н и м н ы е с л о в о с о -
ч е т а н и я

В ХУП-ХУШ вв. унификации в наименовании лиц мужского и женского пола еще не было. Чаще всего в распространенных именах женщины проявляется действующий в то время принцип называния их по имени или фамилии главы семьи. Соответственно этому принципу наименования дифференцируются в зависимости от семейного положения:

1/ деушки всегда называются по имени, фамилии или имени и фамилии отца: дѣвчина Маря Прокоповна /Ст. ак., 73/, Агафія Бойковна /ЧОГА, ф. 649, оп. 4, д. 34, л. 20/, Матренов Андреевною Кривцововною /ф. 281, оп. 1, д. 2, л. 21/;

2/ замужние женщины называются по мужу: Я, Галя Семениха Дяденчика, ... в Семена Дяденка, мужа моего /А.Б., 88/;

3/ в отличие от "Новгородских записных кабалных книг" вдовы продолжали именоваться по мужу независимо от наличия или отсутствия у них детей: вдова мещанка Алексѣевская жена, у нее 2 сына Андрѣй, Иван /П.К., 93/, мещанская вдова Савельевская жена бездѣтна /П.К., 97/. Иногда вдовы назывались только по имени, но это распространялось как на имеющих детей, так и на бездетных: мещанская вдова Авдотя бездѣтна /П.К., 103/, мещанка вдова Маря, у нее сынъ Григорей /П.К., 104/;

3/ второбрачные женщины при необходимости обстоятельной конкретизации могли называться по двум мужьям: Вудя, по первому мужу Грищика, а по другому Титчика /А.Б., 69/, хоть основным считалось наименование по второму мужу: Агафія Семеновна, первого малженства Свирщевская, а второго Семеновая Греновская... Дальше в этом же акте: ... а реченная продавца Агафія Греновская /Ст. ак., 7/;

4/ в юридических актах, касающихся наследства или продажи земельных владений, в отдельных записях метрических книг женщины называются по отцу и мужу: Маріа Яциничовни Прокофѣвой, хоружной полковой черниговской, респектомъ войсковыхъ услугъ, отцевъ ея Яцинику, и мужевъ Прокопу, хоружому /Ген. сл. Черн., 417/.

Женские наименования были однословными: Шнурчики /А.Б., 84/, Чуйкевичку /Лаз., Опис., II, 30/, Четвертековны /Ген. сл. Неж., 22/;

двухсловными, в состав которых, кроме имени, могли входить патроним, андроним, индивидуальное прозвище или фамилия: Катара Опонасовна /Прот., II/, Адарии Журавчики /Ст. ак., 90/, Анастасия Болдаковская /Ген. сл. Черн., 399/, Анна Богомолка /Лаз., Обзор., 211/;

трехсловными, состоящими из имени и двух патронимов или андронимов, андронима и патронима, андронима и названия местности: Федосьида Сидориха Цуничка /П.К., 372/, Парасков Чернышовой Василикою /Лаз., Обзор., 760/, Татьяна Савиная вдова съ Бутора Привалового /Прот., 30/;

четырёхсловными, включающими, кроме имени, патроним и два андронима, патроним, андроним и название местности, три андронимические формы: Маріи Полуботковиѣ Иоанновой Сулиминой /Сулим. арх., 47/, Меланія, бывшая Самойлова Михайловина Гамалеина /Ген. сл. Неж., 278/;

пятисловными, имеющими, кроме имени, два патронима и два андронима, патроним и три андронима, развернутое наименование мужа в форме родительного падежа: Анни Ивановой дочери Чернышовой Андреевой Войцеховичевой /Сулим. арх., 278/, Ирины паненского стану, Гарасимовны, Суботиной падчарки, а свѣсть Юрка Михайловича /Прот., 159/, Ивана Стожка жена, Ефросинія Петрова дочь Якубинсковна /Лаз., Обзор., 263/;

шестисловными, состоящими, кроме имени, из патронима и четырех андронимов, двух патронимов, андронима, названия должности мужа и местности: Марія Иосифовна, по первойъ мужу Василіева Гуменская, а по втором Григоріева Самойловичева /Ген. сл. Неж., 137/, Анна Павловна Полуботковна Войцеховичова, остиковская Седневская /Сулим. арх., 269/, Маріи Андѣревой, по мужу Карпики Лапицкой сотнички ковалевской /Ген. сл. Неж., 273/.

С л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы е т и п ы н а ф а м и л ь н ы х н а з в а н и я х

Женские фамильные названия в документах представлены двумя словообразовательными разрядами: патронимическим и андронимическим. Первый из них объединяет типы с суффиксами:

-ОВН/А/. -ЕВН/А/. Наименования с суффиксами -овн/а/, -евн/а/ встречаются только в Стародубских памятниках, а также в рукописных метрических книгах ХУШ в., купчих и завещаниях. Эти формы происходили от имен отцов: Домни Никипоровни /Ст. ак., 96/, Агрипинов Семіоновноу /ф. 233, оп. I, д. I, л. 32/, фамилий их: Марфа Квѣтковна /Ген. сл. Неж., 238/, Федори Огіевсковна /Лаз., Опис., Ш, 22I/, имен и фамилий: Пелагіек Романовноу Крацковноу /ф. 28I, оп. I, д. 2, л. 23/.

В наше время патронимы с суффиксами -овн, -евн сузили сферу своего употребления, они образуются только от имен отцов и выступают в составе двухсловных и трехсловных наименований девушек и женщин.

Непродуктивными были словообразовательные типы этого же разряда с суффиксами: -анк/а/: Овдотьев Борознянкою /Лаз., Обзор., 558/, -еяк/а/: Хвесѣ Корніенкѣ /А.Б., 96/, -инн/а/: Татьяна Савинни /Ст. ак., 87/, -иничн/а/: Устинѣ Кузмичини /Прот., 54/.

В словообразовательный разряд андронимических названий входят типы с суффиксами: -ИХ/А/. Формы с суффиксом -их/а/ чаще всего употреблялись в актах и "Переписных книгах", тогда как в архивных церковных документах их почти нет. Происходили они от имен: вдова Павлиха /П.К., 45/, вдова Савчижа /П.К., 307/, прозвищ или фамилий мужей: Талѣрчижа /Ст. ак., 9/, Хвесиха Тскарижа /Ст. ак., 23/;

-К/А/. Андронимические формы с суффиксом -к/а/ в документах встречаются сравнительно редко. Они образуются от мужских имен и фамилий: Кашпуровички /Ст. ак., 36/, Каленички стелмашки /Лаз., Обзор., 359/, Анна Минична Миничка /ф. 233, оп. I, д. 25, л. 9/.

-СЬК-А/Я/. -ЦЬК-А/Я/. Прилагательные с суффиксом -ськ-а/я/

употребляются с двойным значением: притяжательным и относительным. Выступая в функции притяжательной, суффикс *-ськ* объединяется с суффиксами *-ов* или *-ев* и используется для образования наименований женщин от имен и фамилий мужей: Самойло Троцкой з притомностью жены свое Крыси Троцевский /Прот., 171/, вдова Настасьяца Ивановская жена Чикилева /П.К., 375/, мешаежа вдова Павловская жена /П.К., 163/.

Относительные прилагательные с суффиксом *-ськ-а/я/* в составе двухсловных и трехсловных наименований были родовыми фамилиями, распространяющимися на всю семью: Павла Яромлтовского пань малжонь его Марьяне Яромлтовской /Ген. сл. Черн., 310/.

Суффикс *-цьк-а/я/* зарегистрирован только в единичных фамилиях: Катерина Угорницкая /Лаз., Обзор., 187/, Анфись Липницкой /Лаз., Опис., I, 145/, Анастаси Елисевиень Зеленецкой /Лаз., Опис., I, 145/. В прилагательных, имеющих притяжательное значение, он не употребляется.

Кроме этого, личные названия женщин образовывались при помощи суффиксов *-ов-а/я/*, *-ев-а/я/*, имеющих то патронимическое, то андронимическое значение: дьвицею Агафиею Кириченковой /Ф. 281, оп. I, д. 3, л. 25/, жень его Томары, Пелагим Томариной /Лаз., Обзор., 20/, пань Епистимия Сулимина Рустановичева ... по покойныи Александру Сулимь отцевь и Якову Рустановичу мужевь ее /Сулим. арх., 69/.

Вследствие ономастизации суффиксов *-ов*, *-ев*, *-ин* при образовании женских личных названий наблюдается нарушение словообразовательных норм, поэтому суффикс *-ин* встречается в словах: Андрееву Лизогубину /Лаз., Опис., II, 204/, пань Кочубеинной /Лаз., Опис., II, 176/, Федора Яковина /Ст. ак., 68/.

Анализируемый материал показывает, что женские фамильные формы с притяжательными суффиксами в то время выступали то как прилагательные, выполняя атрибутивную функцию по отношению к нарицательному существительному, то, полностью субстантивизируясь, употреблялись самостоятельно: Огровьянка Михайлова жена /П.К., 413/, Никипорова /Ст. ак., 96/.

В состав развернутых наименований девушек и женщин могла

входить форма родительного падежа фамилии отца или мужа: дѣв-
цею Пелагією Симеоновною Радченка /Ф. 281, оп. I, д. 2, л. 24/
Маріною Семеновною Тишченка /Там же, 22/. Форма родительного
падежа от имени и фамилии мужа выступает в роли несогласован-
ного определения к нарицательному существительному жена: Гав-
риила Литюша жена Матрона Матвѣева дочь /ЧОГА, ф. 649, оп. 4,
д. 34, л. 4/. Алексея Рудецкого жена Анна Стефанова дочь /ЧОГА,
ф. 649, оп. 4, д. 34, л. 1/.

Приведенная в диссертации таблица количественного исполь-
зования словообразовательных типов женских фамильных названий
свидетельствует о том, что в "Переписных книгах" и "Борисполь-
ских актах" самым продуктивным был тип с суффиксом -их/а/,
тогда как в "Протокуле" и "Стародубских актах" — тип с суффикс-
сами -ов, -ев.

В общих выводах определяются итоги исследования. Изученные
документы показывают, что процесс формирования фамилий, стаби-
лизация антропонимных микрополей широких масс простых людей в
то время еще не были закончены.

Проанализировав около семнадцати с половиной тысяч фамилий,
автор приходит к заключению, что в антропонимии документов Се-
верного Левобережья ХУП-ХУШ вв. проявилась национальная специ-
фика украинского языка. Об этом свидетельствует наличие 3176
фамилий типа существительных, образованных лексико-семантичес-
ким способом, и 5903 патронима с суффиксом -енк/о/.

В отдельных памятниках наблюдается влияние антропонимных
микросистем русского и белорусского языков. Влиянием русского
языка объясняется большое количество в "Переписных книгах"
форм с суффиксами -ов, -ев и почти полное отсутствие классово
ограниченных в России патронимов на -ич, -ович, -евич.

Соседство Белоруссии особенно сказалось в Стародубских до-
кументах, где широко употребляются формы с суффиксами -ич,
-ович, -евич и -енок.

Фамилии, происходящие из апеллативов польского и реже дру-
гих языков, свидетельствуют о контактах народов.

В ХУП-ХУШ вв. унификации в наименовании мужчин и женщин

еще не было. Если рассмотренные словообразовательные типы мужских фамилий употребляются в литературном языке и сейчас, то женские фамильные названия, не став нормативными, продолжают жить в говорах.

Лексические и фонетические диалектизмы в антропонимии документов ХУП-ХУШ вв. отражают вполне закономерное явление, характерное для исследуемого периода формирования украинского национального языка.

- - - - -

По материалам диссертации было доложено на научных конференциях:

1. К вопросу об украинско-белорусских языковых связях в антропонимии, Всесоюзная межвузовская конференция по проблеме "Взаимосвязь и взаимодействие восточнославянских языков и литературы", Киевский университет, ЗІ.Х - З.ХІ. 1968 г.

2. Словообразовательные типы женских фамильных названий в документах Северного Левобережья ХУП-ХУШ вв., доклад прочтен и обсужден на заседании Украинской Ономастической Комиссии АН УССР 24 декабря 1968 г.

Содержание диссертации отражено в следующих статьях:

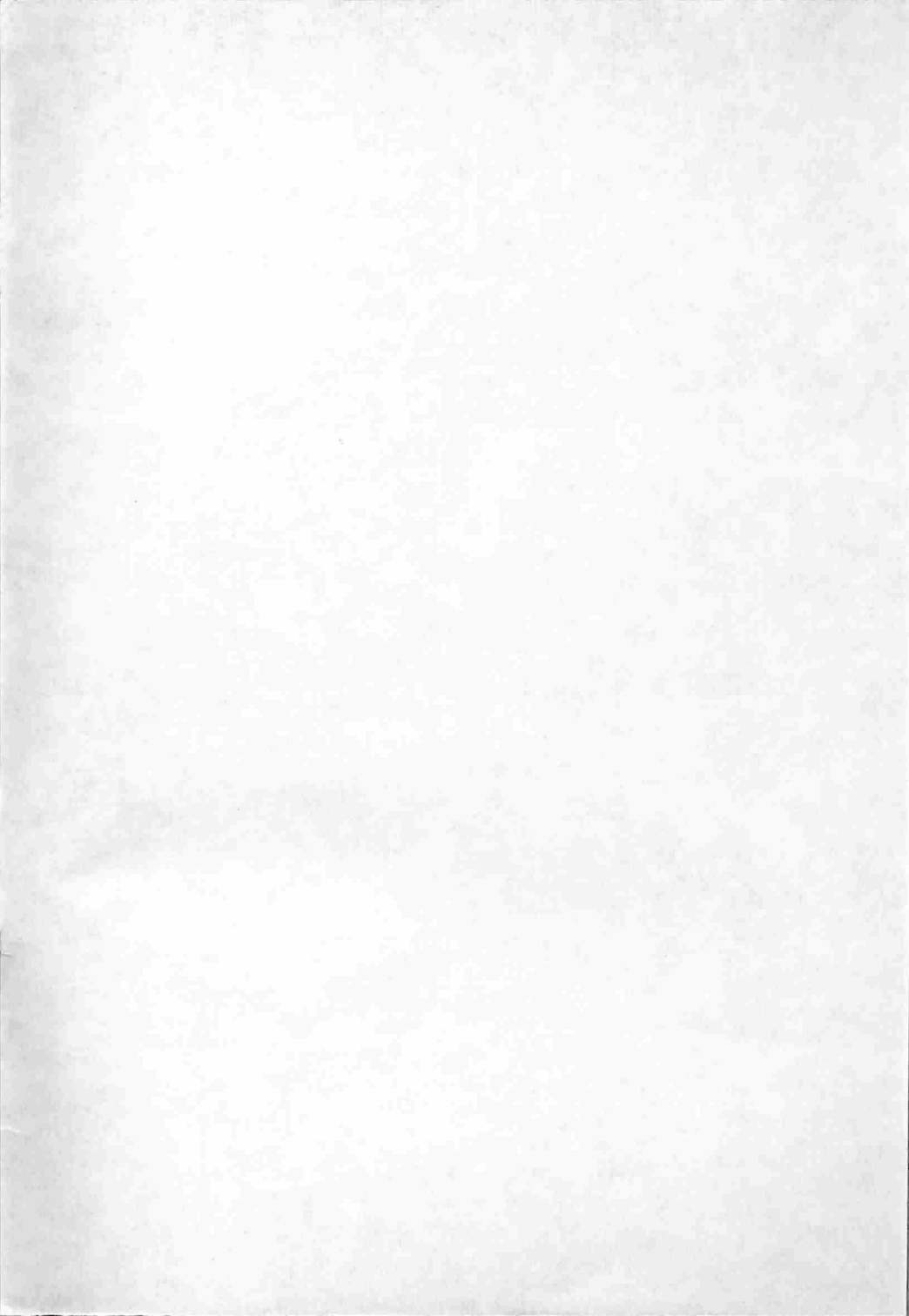
1. Об образовании украинских фамилий /на украинском языке/, журн. "Українська мова і література в школі", 1967, № 9.

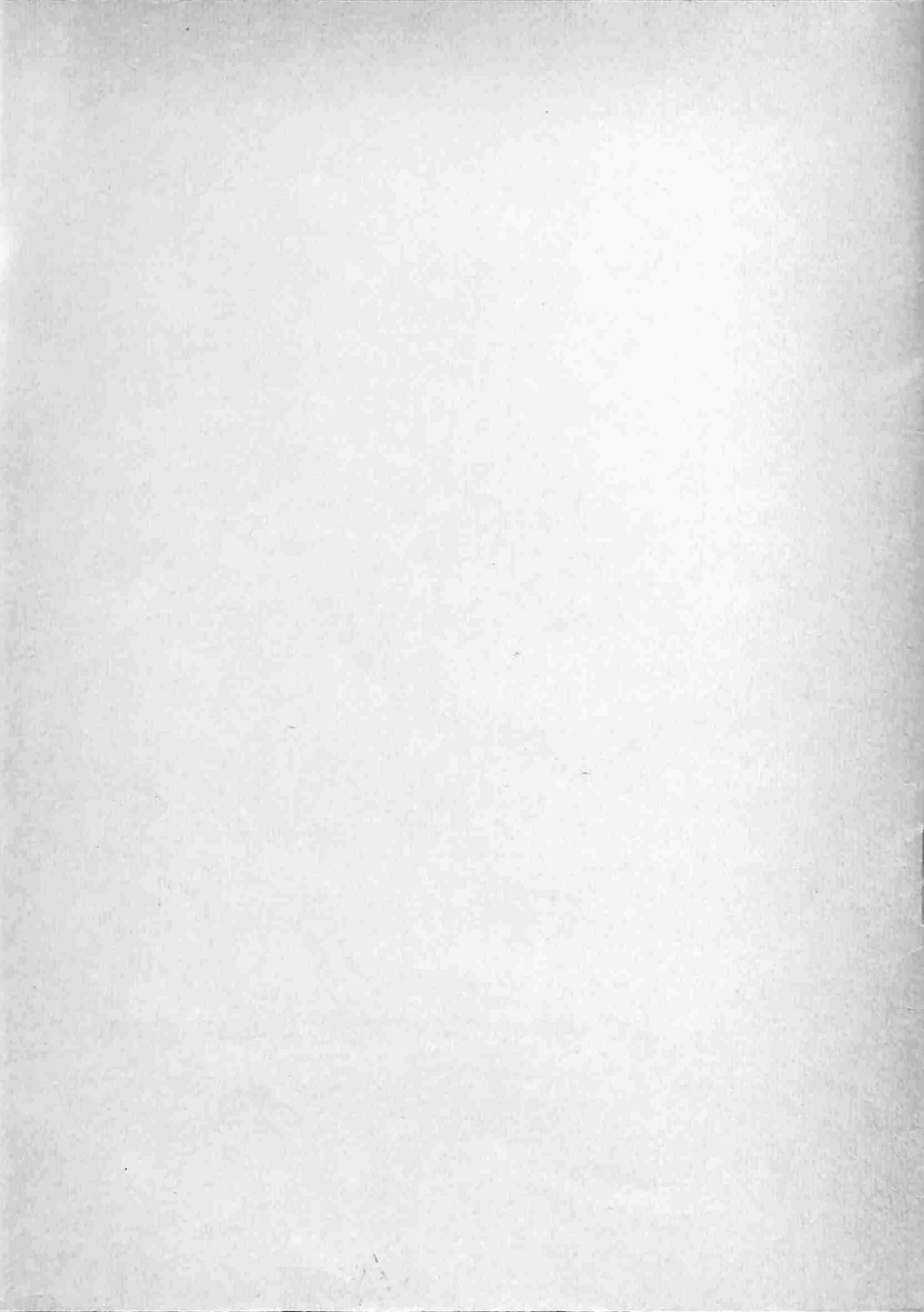
2. Архивы - важный источник антропонимики /на украинском языке/, журн. "Архіви України", 1968, № 4.

3. О чем говорят наши фамилии /на украинском языке/, журн. "Знання та праця", 1968, № 8.

4. Этимология некоторых фамилий /на украинском языке/, журн. "Українська мова і література в школі", 1969, № 5.

5. Словообразовательные типы женских фамильных названий в документах Северного Левобережья ХУП-ХУШ вв. /на украинском языке/, бюллетень "Повідомлення української ономастичної комісії", АН УССР, Отделение языка, литературы и искусствоведения, "Наукова думка", К., 1969 /принято к печати/.

Сканы с 11